

Джайрин Дикий

ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

(КА-ТЕТУ спасибо за критику, поддержку и советы)

*"Вопреки своей воле умирает лишь только тот, кто не знает КАК УМИРАТЬ. Научись умирать, и ты будешь знать, как правильно жить, ибо не знает, как правильно жить лишь только тот, кто не ведает, КАК УМИРАТЬ".
Египетская книга мёртвых.*

*«...Правда в том, что они все окутаны саваном...»
Стивен Эдвин Кинг «Долгая Прогулка»*

День никакой

- Отстань, я так решил.
- Это я уже понял, – репортёр не торопился уйти. – Однако хотелось бы знать, *что именно* заставило вас?
- Да пошёл ты...

Джастин переключил программу. На музыкальном канале извивались три полубнажённые девицы, он решил остановиться – клип что надо.

Потянулся, налил себе «Пепси-Лайт». Естественно, только «Лайт», почти без калорий, если верить рекламе. Есть не хотелось – нискобочко. Не так уж это и сложно, если не задумываться о холодильнике, полном деликатесов. Хотя какой-то умник говорил, что жрать хочется только на пятый-шестой день. А другой, такой же подкованный, утверждал, что без еды можно протянуть от месяца до трёх, если много пить и не вставать с кровати. Вообще поначалу разговоров было много – каждый третий рассказывал двум другим, что он знает о голодной смерти или о лечебном голодании, но дальше сведений типа «одна баба сказала» никто не продвинулся. Джастин полагал, что все они в равной степени страдают фигнёй, ибо доподлинно не знают ничего. Но даже страдания фигнёй отвлекают от мыслей о еде... или о смерти. Каждый развлекается, как умеет.

Шейла сегодня не в настроении. Не может встать с дивана. Постоянно просит воды. Джастин где-то слышал, что от этого тоже можно умереть. Он забрал стакан и ушёл в другую комнату, чтобы не слышать её стонов. Задумался.

День первый

*"То, что людьми принято называть судьбой – является лишь совокупностью учиненных ими глупостей."
Артур Шопенгауэр.*

Участников было неожиданно много. Джастин и не подозревал, что столько народу желает принять участие в шоу. Молодые парни и девчонки, мужчины в возрасте. Женщин старше 30 лет практически не было. В основном одиночки, вроде него, но иногда попадались сплотившиеся компании – эти выглядели увереннее. Курили, развалившись в креслах, шатались без дела по огромному холлу, смотрели телек.

- Как бараны в стаде, – хрипло произнёс молодой человек слева. У него было неприятное выражение лица, возможно, из-за неровного шрама от уголка левого глаза до верхней губы. Но Джастин сразу почувствовал дружелюбие.
- Привет, неудачник. Я Рэймонд, – сказал обладатель хриплого голоса.
- Джастин, – он пожал протянутую руку. – С чего это я неудачник?

- А у тебя в глазах стоит обида на весь мир и желание поплакаться в жилетку. Вот ты и пришёл подышать. Что, девка бросила?

- Не, предки умерли, – Джастин произнёс это спокойно. За два последних месяца он научился справляться с болью. А плакаться не получалось – подходящей жилетки не было.

- А, извини, – в голосе собеседника не чувствовалось жалости и опеки, и за это Джастин его зауважал. – А сюда чего пришёл?

- Жрать хочется, – хмыкнул он.

Парень оценил хохму, оглушительно заржав. Несколько человек оглянулись, чтобы тут же вновь погрузиться в свои дела.

Джастин не кривил душой. С тех пор, как родители сгорели от си-гриппа, ему приходилось заботиться о себе и младшей сестре. Работу сопляку из Квартала Надежды никто давать не собирался. По закону о правах несовершеннолетних он не имел права на постоянную работу. Он сортировал макулатуру, подметал улицы, выгребал гниль из придорожных канав за полбакса в час.. Вкалывал в обход закона по двенадцать часов семь дней в неделю, чтобы не сдохнуть с голоду, а денег хватало только на вчерашний хлеб. Помощь государства была смехотворной – двадцать баксов в месяц плюс посылка с полуфабрикатами и просроченными медикаментами. Потом Сэйру забрала какая-то дальняя родственница. Кормить пятнадцатилетнего проглотта она была не в состоянии, о чём прямо заявила Джастину. Тот не возражал. Теперь ему приходилось отвечать только за себя. В жизни не светило ничего путного, друзей отродясь не было, близких не осталось, – так Джастин решил принять участие в шоу.

- Значит, жрать, – ухмыльнулся Рэймонд, – Похвальное желание. А я семью кормить пришёл. У меня жена и маленькая дочь.

- Ты женат? – изумился Джастин. На вид Рэю было не больше семнадцати.

- Ага. Мне двадцать один в сентябре стукнул. А через месяц мы поженились. Дочке тогда второй год шёл.

Он достал из кармана помятую фотографию с изображением себя, обнимающего молодую женщину с ребёнком на руках. Джастину фото понравилось – красивая женщина, счастливое семейство. Рэй-на-фото казался симпатичнее – может оттого, что был счастлив, а может потому, что шрама на лице ещё не было. Рэймонд убрал карточку.

- Моё семейство, – гордо произнёс он.

Толпа зашевелилась.

- Началось, – сказал кто-то.

Открылась дверь и в помещение вошёл Джефф Гейман, ведущий реалити-шоу «Последняя диета». Его неизменный костюм-тройка неплохо сочетался с затемненными очками. Кто-то утверждал, что подобный стиль одежды внушает уважение, сочетаемое с доверием. Джастин считал его пижонским. Впрочем, Гейман обладал несомненной харизмой, за которую его обожала публика, да и некоторые участники.

- Дамы и господа, прошу садиться, – сказал он.

Скрипение отодвигаемых стульев, тихие взволнованные голоса.

- Я рад приветствовать вас, решившихся сегодня принять непосредственное участие в реалити-шоу «Последняя диета».

- Кончай трепаться! – выкрикнули из толпы.

- Я и не собирался допускать патетики, – Гейман сверкнул тонированными линзами. Спокойный голос его не изменился ни на полтона. – Просто хочу пожелать всем удачи. До финиша доберётся лишь один, но для Компании вы все равны, и мы равно уважаем вас и ваш выбор. Желаю удачи.

- Да пошёл ты! – то же голос.

- Немного терпения, – улыбнулся Гейман. – Придя сюда, вы негласно согласились сотрудничать с Компанией, которую в данный момент представляю я. Поэтому не мешало бы некоторым из вас хоть на время обучиться элементарным правилам вежливости. Впрочем, я не задержу вас. Через несколько минут вам будут выданы брошюры с правилами соревнования и вы разойдётесь по своим комнатам. Напоминаю, вы можете беспрепятственно перемещаться в пределах здания, общаться друг с другом и делать всё, что заблагорассудится. В пределах общепринятых норм, разумеется. По условиям шоу вам запрещается только одно – принимать пищу в любое время дня и ночи. Проще говоря, есть. Кушать. Питаться. Набивать брюхо жратвой. Нарушивший правила будет немедленно дисквалифицирован.

- Кончай паясничать, урод! Называй вещи своими именами. Вы убиваете нас, мудилы!

Гейман досадливо поморщился:

- Молодой человек в четвёртом ряду, семьдесят второе место. Это была ваша третья грубость в мой адрес. Поскольку я ничем не провоцировал вас, я вправе считать себя оскорблённым. Потому предупреждаю: ещё один подобный выкрик – и вас дисквалифицируют немедленно, чтобы не допустить подобного впредь. Мы не в зоопарке, дамы и господа, и хоть вам не за что питать ко мне тёплые чувства, но давайте будем взаимовежливы. Культура и воспитанность ещё никому не вредили.

- Итак, с вашего позволения я продолжу. Каждого из вас привели сюда свои причины, и я не собираюсь их выяснять. Компания принимает во внимание вашу малую подготовленность и элемент неожиданности. Поэтому сегодня и завтра вы имеете право уйти и никогда сюда не возвращаться. Послезавтра двери во внешний мир закроются для вас навсегда. С этого момента начнётся Игра. За каждый день, проведённый здесь, вы или ваши родственники будут получать 15 долларов. Плюс пять процентов от ставки, сделанной телезрителями на вашу кандидатуру. Это кажется слабым вознаграждением, но уверяю вас, ближе к концу ставки поднимаются до небывалых высот.

- Жирным хрякам из богатых кварталов нравится смотреть, как мы подышаем от голода. Ещё и тотализатор устроили, мудилы, – хмуро произнёс Рэймонд. Его услышал только Джастин, да сосед Рэя справа. Ни один не отреагировал.

- Тот, кто продержится до конца, срывает банк. Один миллион долларов и особняк в одном из фешенебельных кварталов города. Не выдержавшие – погибают.

Приглушенные стоны. Ни удивления, ни возмущения никто не выказывает – все знают Правила.

- Днём и ночью за вами будет вестись слежка. Камеры скрытого наблюдения установлены повсюду. Не пытайтесь обмануть нас – вы на виду каждый миг, даже когда облегчаетесь или занимаетесь сексом. По этическим соображениям мы редко транслируем подобные кадры, но с вас это ответственности не снимает. Нарушившие правила будут дисквалифицированы и расстреляны в упор перед видеокамерами. Это жестокое шоу, как и вся наша жизнь. Всего вас здесь шестьдесят два человека. Выживет только один. Остаток сегодняшнего дня и весь завтрашний – это ваш последний шанс вернуться. После выход будет лишь один – смерть. Как видите, я не сноб, и не боюсь называть вещи своими именами.

- Жизнеутверждающе, – уже другой голос, постарше.

- Я не из тех, что любит подслащивать пилюли, – ответил Гейман. – Мы все находимся здесь, чтобы доставить удовольствие зрителю и поднять рейтинг программы. И заработать – каждый своим путём. В ваших номерах будет установлен холодильник, разумеется, не пустой. Это психологический фактор. Своего рода искушение. Открывшие холодильник будут дисквалифицированы и убиты. Впрочем, вам будет легче, если станете отвлекаться. В конце концов, у вас есть всё необходимое для комфортной жизни – две отдельных комнаты, отдельный санузел, двуспальная кровать, телефон, библиотека,

телевизор и компьютер. Горничная приходит каждое утро. На первом этаже спортзал, бассейн, танцплощадка. Работает врач.

- Как насчёт перепихона?! – так, уже смешки пошли.

- Девушку можно вызвать, позвонив по телефону, указанному в буклете, – Гейман оставался невозмутим. – Только не пытайтесь уговорить её каким-то образом вам помочь. Бывали прецеденты. Предупреждаю – весь штат обслуживающего персонала, от кинооператоров до проституток, работает на Компанию и о ваших попытках обмана будет немедленно доложено.

- А пить можно?

- Воду простую, безкалорийные напитки, диет-колу. В общем всё, что поможет вам продержаться, но не насытиться.

- Если у вас больше нет вопросов, позвольте откланяться, – координатор произнёс это таким тоном, что даже если у кого и были вопросы, они остались невысказанными. – Благодарю за внимание. И ещё раз желаю удачи. А сейчас прошу пройти в ресторан, где вас ждёт ужин за счёт Компании. Последний перед Игрой.

- Не уппусти шанс, – сосед слева ткнул Джастина локтем под рёбра. – Эти ребята на еде не экономят. Они ни на чём не экономят.

- Они могут себе это позволить, – присоединился к разговору Рэймонд. – Рейтинг так называемых реалити-шоу с летальным исходом взлетел до небес. Жирным прохвостам не хватает развлечений, они жаждут чужой крови.

- Наверняка никто из них не резал бродячих собак, чтобы прокормиться. И не отдавался первому встречному за пару баксов, – бросила проходящая мимо девушка. – Хотела бы я, чтобы их загнали в эту морилку. И запретили жрать даже собственное дерьмо!

Она проследовала в ресторан, не остановившись. Туда уже стянулась основная масса играющих.

- Идём, – сказал Джастин, просто чтобы хоть что-то сказать.

И они пошли.

День второй

*«Вы действительно хотите взять то,
что лежит в этом чёрном ящике?»
Л.Якубович «Поле Чудес»*

Всё оказалось не так тяжело, как представлялось. Рэймонд говорил, что худшее начнётся на второй неделе. Но кое-кто уже не выдерживал. Джастин видел, как несколько человек подошли к дверям и вышли наружу. Их не удерживали и не отговаривали.

- На твоём месте я бы последовал их примеру, парень, – сказал Рэймонд. Так уж получилось, что с первого дня знакомства они держались вместе – Рэймонд, Джастин и Орсон, тот, что сидел рядом во время геймановской консультации. По стечению обстоятельств номера Джастина и Орсона оказались на одном этаже. Рэймонд жил этажом выше.

- Он прав, – поддержал Орсон. – Кому-кому, а тебе здесь делать нечего.

- С чего бы?! – вскинулся Джастин.

- Сынок, я прожил в этом говенном мире больше трёх десятков лет и считаю, что разбираюсь в людях. Все, кто здесь находится, делятся на три основных группы: альтруисты, самоубийцы и неудачники. Альтруисты – ребята навроде Рэймонда, пришедшие умирать, чтобы выжила их семья. Видишь вон ту женщину? – Орсон указал в сторону высокой брюнетки, отрешённо глядящей в окно.

Джастин кивнул.

- Даяна Брукс. Её мужа полтора года назад зарезали в уличной драке. Сама безработная. Жить просто не на что. У неё трое детей. Старшей дочери пятнадцать. Девушке открыта дорога только на панель. Какая мать будет смотреть, как её несовершеннолетняя дочь обслуживает грязных ублюдков, чтобы младшие могли прокормиться? Даяна надеется прожить достаточно, чтобы после неё семья несколько лет ни в чём не нуждалась. И ты знаешь, я верю, что она продержится почти до конца, несмотря на свой рак лёгких. Как и Рэй. Им есть, что терять, есть, за кого умирать.

- Самоубийцы – это группа риска, – продолжал он, – никогда не знаешь, что они отчебучат в следующий момент. Этим нечего терять, они неизлечимо больны, и при любом раскладе жить им остаётся считанные недели. Они идут на «леталити-шоу», чтобы достойно прожить это время, а не подыхать, как крысы в подвале. Для таких это лучший выход.

- И ребята вроде тебя. – Джастин вздрогнул. – Те, кто потерял всё, кто остался один на свете. Они не видят смысла в жизни. И умирать приходят от безысходности. Такие, как ты, не стремятся победить, не стараются умереть красиво – им вообще ничего не нужно. Но это глупо, сынок. Это синдром неудачника.

Джастин разозлился. Уже второй раз за два дня его обозвали неудачником. За такое можно и зубы пересчитать.

- Не надо, парень. Я знаю, тебе нелегко пришлось, как и всем нам. Но ты молод, силен и относительно здоров. У тебя ещё может получиться жить дальше. То, что для других является единственным выходом, в твоём случае – глупость. Оправданная, допустимая, но глупость. Вчера вечером все мы неплохо развлеклись на халяву. Сейчас жизнь даёт тебе шанс – воспользуйся им, послушай доброго совета.

- Я остаюсь, – просто сказал Джастин. – Ты прав, говоря о неудачниках, но в моём случае ты ошибаешься. Не знаешь всего. Мне есть, за кого умирать. И мне есть, ради кого жить.

- Что ж, парень, удачи тебе, – ответил Орсон.

Рэймонд ухмыльнулся:

- Смерть тебе – жизнь для меня. Таков девиз.
- Смерть тебе – жизнь для меня, – откликнулся Джастин.
- Аминь.

День четвёртый

*«Если вы хотите знать, что Господь Бог думает о деньгах,
тогда посмотрите, кому он их даёт»*
М. Бэринг

Вообще-то, ему понравилось. Какого чёрта, Джастин никогда не чувствовал себя человеком до такой степени. Чувство голода почти прошло, сменившись лёгкостью и жадной действии. Джастин не помнил, когда в последний раз чувствовал себя так хорошо. Если такое вообще когда-нибудь бывало. Для человека, всю жизнь жившего впроголодь, теперешние условия казались фантастическими. Комфортная жизнь, возможность просыпаться к десяти и валяться в постели до полудня, тренажёры, бассейн, библиотека, телек, танцплощадка... Это ж надо, всё к твоим услугам – за не такую уж значительную цену. Подумаешь, голодная смерть! Да после такого и умереть не жалко. И вообще, мало ли что случится?

Сейчас смерть казалась чем-то невыносимо далёким, и даже мысли о ней были неуместны в минуты блаженства среди непривычного уюта и комфорта. Страшно будет потом, а сейчас нужно наслаждаться жизнью, раз уж иного выхода нет. Взять от жизни всё, а затем уйти красиво, чтобы даже богатенькие засранцы, развлекающиеся видом их медленной смерти, от зависти прыщами изошли!

Джастин вылез из бассейна, насухо вытерся чистым махровым полотенцем, надел свежую футболку и шорты, захваченные из номера и, насвистывая, отправился к себе, вальтаться на кровати и читать литературу прошлого века.

Жизнь прекрасна, дамы и господа.

Скажите «Аллилуйя!».

День шестой

*«Очень жаль, Вы проиграли.
Но ведь жизнь на этом не заканчивается!»*
Любой ведущий любой игры.

Вообще-то ад начался вчера вечером, в половине восьмого, но ужас произошедшего достиг сознания большинства людей только сегодня. Орсон предупреждал, что так и будет, Джастин сам догадывался об этом. Но одно дело строить гипотезы, а другое – видеть, как этот толстый, невероятно толстый сорокалетний мужчина яростно колотит в дверь зала-ресторана, требуя позвать Главного. Требуя, чёрт побери, прекратить издеваться над ним. Грозил затаскать по судам устроителей этого беспредела. Эти грязные ублюдки за всё ему заплатят, он гражданин свободной страны и у него, мать вашу, есть права, которые никто не вправе попираť ногами. Минут через пятнадцать он осел на пол, спрятал лицо в ладонях и беззвучно разрыдался.

Джастин отвернулся. Его мучило от жалости, отвращения, ненависти и брезгливости. Вместе с тем он чувствовал какое-то странное возбуждение, ему хотелось, чтобы этот толстяк стал первым, сошедшим с дистанции. Каждый выбывший – шанс на выживание для остальных. Из шестидесяти двух человек в первые два дня правом свободного выхода воспользовались чуть меньше десятка. То есть шансы Джастина равны примерно один к пятидесяти трём. А ведь всё только началось.

- Вот и первый мертвец, – Орсон приблизился незаметно, словно старость. – Держу пари, этот парень не продержится до рассвета.

- Уверен? – Джастин старался не выдать волнения.

- Самое сложное время, парень, это от третьего до шестого дня и от двадцатого до конца*. На это время приходится основное количество смертей. В первые дни появляется чувство голода, которое с каждым часом становится сильнее. Тошнота, слабость, головокружение, появление металлического привкуса во рту. Прибавь к этому осознание того, что в соседней комнате стоит холодильник, полный первоклассной еды, к которой ты не можешь прикоснуться. Многие срываются. В эти дни примерно пятая часть игроков сходит с дистанции.

- А как же остальные?

- А ради остальных и затевается всё шоу. Состязание тех, кто хочет выжить. На четвёртый-пятый день голод проходит. Постепенно исчезает запах изо рта, проходит ощущение сухости во рту, улучшается настроение, повышается физическая и умственная деятельность. Появляется желание жить и бороться за жизнь.

- Ты, блин, как по книге читаешь! – восхитился Джастин.

- Только не говори, что тебе всё это незнакомо. Тебе ведь приходилось жить впроголодь. Для тебя это давно должно было стать привычкой.

Джастин кивнул.

- Я уже чувствую второе дыхание, словно заново родился. Вот только как долго это будет продолжаться? По утрам я крысу готов сожрать. Хорошо прожаренную. Но к полудню это проходит, я в прекрасной форме и могу продержаться ещё пару месяцев!

* Может показаться, что сроки протекания различных стадий голодания чуть смещены. Но это результат несопадения различных источников. Я выписал самые распространённые сведения. (Авт.)

- Чувство лёгкости наступает на пятый-восьмой день и длится по-разному, в зависимости от обычного образа жизни и состояния здоровья человека. Кто-то может выдержать дольше сорока дней, кто-то погибает после десяти. Тут не угадаешь.

- И откуда ты всё знаешь? Такое ощущение, что тебе доводилось участвовать в подобных Играх! – недоверчиво прищурился Джастин.

- Просто много читал и наблюдал за людьми, вот и всё, – Орсон направился к своему номеру. Джастин последовал за ним.

- А этот парень? У него же неплохие данные. Он мог бы продержаться пару месяцев за счёт своего жира!

- Мог бы, но ты сам видишь, что с ним происходит. Иногда крепость организма перечёркивается слабостью духа. Этот толстяк – неврастеник. У него были неплохие шансы на победу, но он не смог продержаться. Слишком привык жрать.

Орсон был прав. В пять часов утра участников разбудило самопроизвольное включение телевизора. Шоу, вроде «Последней диеты» обычно транслировали в промежутке от шести до десяти часов вечера. Прайм-тайм, время отдыха клерков и домохозяек. Для внеплановой трансляции должно было произойти нечто особенное. Джастин догадывался, что именно.

- Доброго утра всем вам, дамы и господа! – вещал с экрана Джефф Гейман. Его вычурно-старомодная манера общения, как подозревал Джастин, должна благотворно влиять на дородных матрон и банковских служащих. Иначе зачем бы он вёл себя, как престарелый педераст?

- Вас несомненно мучает вопрос, почему сегодня мы встречаемся в столь ранний час. Спешу уверить, на это есть причина – несколько минут назад один из участников шоу сделал свой выбор. Проиригнорировав многочисленные предупреждения, он попытался обмануть Компанию и был задержан на месте, так сказать, преступления.

На несколько мгновений лицо ведущего исчезло, уступив место кадрам, отснятым камерой слежения. На плёнке был запечатлён давешний толстяк, зарывшийся в недра холодильника, стоявшего в его номере. Время от времени он воровато оглядывался и вновь исчезал за открытой дверцей.

- Вы видите, к чему приводит подобная несознательность, – печальным и укоряющим голосом вещал Гейман. От него за версту несло лицемерием, но это, похоже, никого не волновало. – Этот человек заплатил жизнью за кусок салами. Сейчас вы это увидите!

Изображение вновь сменилось. В номер толстяка вошли солдаты Компании. Их лица не выражали ничего. Мужчина оглянулся, не до конца понимая, что происходит, что *уже почти произошло*. Солдаты подняли карабины. Толстяк ахнул, отступая к стене. На его лице отражались ужас и потрясение.

- Ребята, вы что? – жалобный голос, похожий на овечьё блянье; дружелюбно-униженная улыбка. – Это же нечестно. Я лишь немного подкрепился. Ну нельзя так, чтобы совсем без еды. Вы что, не понимаете? Это же нечестно! *Нече...*

Договорить ему не дал залп трёх карабинов. Его расстреляли в упор. Камера крупным планом показала скорчившееся возле стены тело, тёмно-красные потёки и разводы.

- Вы видите, к чему приводит чревоугодие, один из семи смертных грехов! Этот человек отдал всё ради сиюминутной потребности. Не уподобляйтесь ему и... Ждите продолжения! С вами был Джефф Гейман, до новых встреч на реалити-шоу «Последняя диета»!!!

- Подонок, – прошептал Джастин. Он успел перегнуться через край кровати и его вырвало. День был безнадежно испорчен.

День седьмой

«Убиенных щадят, отведают и балуют Раем –
Не скажу про живых, но покойников мы бережём»
В.С.Высоцкий

После убийства толстяка среди участников воцарилась атмосфера тихой паники. Приглушенные разговоры, умалчивания, нервное напряжение, готовое при малейшем толчке перейти в истерику. Джастин удивился, увидев в холле на первом этаже столько людей – ему казалось, что сегодня мало кто решится выйти из номеров. Подумав, он понял, что большинству хотелось увидеть товарищей по несчастью, слиться с толпой, почувствовать себя не одиноким. Почувствовать себя *живым*, несмотря ни на что.

Он отыскал в толпе Рэймонда, беседующего с усталой темноволосой женщиной. Подойдя ближе, он вспомнил, где видел её раньше.

- Привет, неудачник, – Рэй на минуту отвлёкся от разговора. – Даяна, это Джастин, представитель древнего рода мыслителей-меланхоликов.

- Да пошёл ты, – беззлобно произнёс Джастин.

- Джастин, это Даяна Брукс, моя новая хорошая знакомая в этом нехорошем месте. Будь добр, воздержись от грубости хотя бы в её присутствии.

- Не стоит, – Даяна поставила на столик полупустой стакан воды. – Как тебе вчерашний день, мальчик?

- Даяна, может не стоит об этом? – начал Рэймонд.

- Но я *хочу* говорить об этом, – женщина чуть возвысила голос. – Эта смерть подействовала на всех, и любой из нас может оказаться следующим. Так почему бы не выговориться?!

- Через пару дней, леди, подобные события перестанут казаться вам шокирующими, – чёртов вездесущий Орсон. Джастин почувствовал сильное желание врезать ему как следует, чтобы хоть ненадолго стереть это невозмутимое выражение с его лица. – А к концу следующей недели вы к ним привыкнете. Человек, знаете ли, ко всему привыкает.

- Привыкнуть к *такому* невозможно, – заявила Даяна. – Это... это просто ужасно! Вы видели лица этих солдат? Они ничего не чувствовали. Ничего!

Джастин хотел сказать, что понимает. После того, как всё закончилось и по телевизору пошла реклама зубной пасты, он лежал, пялясь в потолок, и размышлял о том, куда они денут тело. Возможно, здесь в подвале размещена огромная холодильная камера, куда солдаты складывают тела в течение всей игры. С каждым днём она заполняется всё больше, пока наконец не остаётся один. Победитель. А проигравших, наверное, кремируют в гигантской печи. Закапывать столько народу проблематично... Боже, во что они вляпались?!!

Даяна заплакала и Рэймонд обнял её за плечи. Она уткнулась лицом ему в грудь, продолжая всхлипывать. Орсон стоял рядом с тем же мудро-отрешённым выражением. Джастину захотелось выяснить, будет ли он так же философски держаться при виде направленных на него карабинов. Или загнётся в своей постели, размышляя о бренности бытия? В ярости Джастин дал себе обещание увидеть этот день. Дотянуть до того часа, когда Орсона не станет – а потом уже подышать самому!

Даяна плакала. Рэймонд обнимал её, не собираясь утешать. Орсон молчал.

- Его имя, – внезапно спросил Джастин, – это всё, что я хочу знать. Хоть кто-нибудь знает, как его звали?

Ответное молчание принесло ему некое удовлетворение, смешанное со злостью.

- Ладно, проехали. Кто-нибудь хочет пить?

День десятый

*«...во время стихийных бедствий, катастроф,
природных катаклизмов от полученных травм
гибнут всего лишь 30 процентов людей.
Остальные умирают... от страха!»*

Всемирная организация здравоохранения.

Первая смерть оставила свой след не только в памяти участников, но и в их душах. Многие сорвались. Бдительный контроль Компании не позволил истерии превратиться в панику – они действовали по отработанной схеме. Самых взвинченных персонал проводил в их комнаты (Джастин и Рэймонд вслух порадовались, что людьми занимались врачи, а не солдаты – иначе паника была бы неизбежна). Остальные на какое-то время продолжили общение, но вскоре тоже разошлись. Подавленное состояние, вызванное происшедшим, усугублялось давящим предчувствием худшего.

Худшее не заставило себя ждать. Той же ночью (с седьмого на восьмой день, если верить подсчётам) ушло четыре человека. Все слова, наводящие на мысли о смерти, были подсознательно вычеркнуты из разговоров, сменившись выражениями, вроде «сошёл с дистанции», «ушёл», «выбыл», «отыгрался». Рэймонд утверждал, что это глупо – всё равно «проигрыши» показывали крупным планом во всех подробностях. А Джастин не понимал, какого чёрта этим людям понадобилось повторять путь того толстяка. Из всей четверки троих застрелили возле холодильников, ещё один пытался выбраться отсюда через балкон в своём номере. Неизвестно, что он думал, выпрыгивая с седьмого этажа. Компания не могла заснять процесс, но они в подробностях показали то, что осталось от беглеца. Как всегда, под жизнерадостно-поучительные комментарии Геймана. Джастин ел, удерживаясь от того, чтобы не швырнуть в экран чем-нибудь тяжёлым. Многие не удерживались, отчего в паре номеров сработала пожарная сигнализация – от разбитого монитора взрываются далеко не все телевизоры, большинство просто отключаются, дожидаясь, пока их вывезут на помойку.

Интересно, полегчало тем, кто грохнул свой телек, - размышлял Джастин. – Пожалуй, только хуже стало. Развороченный монитор и осколки стекла на ковре живо напоминают изувеченный труп. Тело на асфальте. Неестественно выгнутые руки и ноги, тёмно-красная липкая лужа, расплзающаяся по асфальту, застывший отсутствующий взгляд... и мухи. Их не было, но они налетели бы, если б тело вовремя не убрали. Джастин вновь спросил себя: что же они делают с телами? Теперь ему представилась гигантская морозильная камера, как на мясокомбинате, где тела проигравших развешивали на крючьях, чтобы после превратить их в полуфабрикаты. Смешно. Он истерически хихикнул. Потом заржал в голос, до полного изнеможения. Потом отрубился.

День одиннадцатый

*«Если вам надоела жена по имени Сомнение
- заведите любовницу по имени Риск»*

Молодой депутат Государственной Думы

Автомат по продаже сигарет заклинило. Джастин взял со столика гипсовое пресс-папье и, размахнувшись, выбил стекло. Хотелось курить, а идти на другой этаж в поисках работающего автомата было лениво. Да и зачем, если никто не накажет, а совесть у жителей кварталов бедноты атрофируется с рождения?

- Не трать силы, иначе быстро сойдёшь с дистанции, – донеслось из-за спины. Джастин узнал девушку. Когда полторы недели мудохаешься в замкнутом пространстве в компании нескольких десятков человек, начинаешь их запоминать и узнавать. Эта, например, любила проводить время в ресторане на первом этаже со стаканом «Диет-колы». Миловидное лицо, только измождённое. Светлые волосы. Аккуратная грудь. Приятный голос.

Джастин выдрал из развороченного автомата пачку «Соверена».

- Ладно, раз уж ты его разбил, не угостишь сигаретой? – Джастин встал, освобождая проход к автомату.

Она выбрала «Атери». Джастин такую марку не пробовал. Посмотрела на пачку «Соверена» у него в руке.

- Ты куришь это старьё? – изумилась она. – Не думала, что их до сих пор производят. Попробуй мои – улёт.

Джастин из вежливости взял предложенную сигарету, затянулся.

- Говно, – сказал он, растирая сигарету в пепельнице. – Капустные листья.

- Раковые палочки, – девушка кивнула на его сигареты.

- Насрать.

- В том сарае, где ты воспитывался, тебя не учили представляться?

- Извини. Джастин Блейк. Для друзей без фамилии.

- Шейла. Без фамилии. А друзей тут нет. Не то время, не то место.

- Из какого ты номера? – спросила она.

- Двести восьмой. В конце коридора.

- На этом этаже? Значит, тебе было лень шататься по зданию в поисках работающего автомата, – это не был вопрос.

- А ты откуда? – спросил он, чтобы сменить тему.

- Пятьсот двадцать седьмой. Пятый этаж.

- А зачем спускалась? Это не грубость, просто интерес.

- Прогуливаюсь, пока силы есть. Телевизор сломался, книги не читаю, компьютер я даже включать не умею. В спортзале я была утром. А если ничем себя не занимать, приходят мысли о еде. Эта хренова диета!

- Мой телевизор в порядке. Пошли, если хочешь.

Девушка как-то странно посмотрела на него.

- Ты ничего, – сказала она. – Только давай сразу всё проясним. У меня СПИД, поэтому ничего такого быть не может.

- Не знаю, чего это «такого», – ответил Джастин. – Я просто пригласил тебя. Пососедски. Не люблю торчать в коридоре, я только за сигаретами вышел.

- Тогда извини. Но я должна была сказать, – Шейла взглянула на него чуть внимательнее. – Наверное, жаль, что мы не встретились раньше.

Джастин вновь подошёл к автомату, начал рыться в его внутренностях.

- Ты что делаешь? – спросила девушка.

Он ухмыльнулся:

- Срываю банк. Неизвестно, когда починят эту штуковину, вот я и запасуюсь, – он распрямился, держа в руках четыре пачки сигарет. – Советую воспользоваться случаем.

Шейла рассмеялась:

- Спасибо, но на моём этаже с автоматом всё нормально, и мне нет смысла запасаться. А если ты высмолишь всё это за раз, то весело отправишься на небеса.

- Постараюсь растянуть удовольствие, пока не станет совсем неважно. А потом последую твоему доброму совету.

Шейла погасила окурки.

- Если ты затарился, то пошли. Или приглашение отменяется?

- Нет, что ты, – Джастин рассовал сигареты по карманам. – Пошли.

- Мило, – присвистнула Шейла.

Номер не блистал чистотой, но и беспорядка там не было, если не считать книг, сваленных возле кровати. Джастин предпочитал литературу телевизору, и последний почти не включался. На кухню он и вовсе не заходил с первого дня – незачем.

- Увлекаешься сказками, – Шейла подняла с пола «Большую Медицинскую Энциклопедию».

- А что?
- Ничего. Мило.

Она взяла с полки пульт, включила телевизор, пробежалась по каналам, подошла к подставке для видеокассет.

- Что это? – спросила она, держа в руках кассету старого японского ужастика «Звонок».

- Муть, – честно ответил Джастин.
- Можно?
- Конечно.

Шейла включила видик, поудобнее устроилась на кровати Джастина. Тот сел рядом, налил стакан «Пепси-лайт», протянул девушке. Она взяла, не отрывая взгляд от экрана. Джастин смотрел больше на неё. Лет с шести, с тех пор, как нашёл первую в своей жизни работу, он перестал общаться с людьми. В отделе переработки макулатуры было не до разговоров – нужно было успевать перетаскивать пачки старых газет со склада к конвейеру так, чтобы он не простаивал. Работа тяжёлая и мало оплачиваемая, но не самая сложная и опасная – как раз для сопляка. Соседей своих Джастин не всех знал даже по имени, в школу не ходил, работал восемь, а затем и двенадцать часов в сутки, приходя домой, валялся спать. Даже среди своего окружения он слыл нелюдимом – редкие часы отдыха предпочитал проводить в одиночестве. Интересовался печатным словом, воровал старые газеты со склада, прочитывал до последней страницы, а потом продавал старьёвщику по два цента за десяток.

Однажды он ухитрился влюбиться в десятилетнюю дочку управляющего, случайно забежавшую в вонючий полумрак складов. Её почти тут же вывели и больше она не появлялась, но для Джастина она навсегда осталась идеалом, недостижимым, а потому безупречным.

Сейчас он вновь испытал нечто подобное... и совершенно иное. Всё-таки он давно уже не был семилетним ребёнком и умел жить реальностью. Его взгляд скользил по лицу девушки вниз, к плечам и холмикам груди, прорисовывающимся под дешёвым обтягивающим топилом, и обратно. Джастин не знал, что сделает, если она повернётся и отреагирует на бесцеремонное разглядывание, но девушка была всецело поглощена фильмом. Решившись, он положил руку ей на плечо, и Шейла доверчиво прильнула к нему, словно давно ждала именно этого. На экране мёртвая японская девушка медленно вылезла из заброшенного колодца и направилась убивать главного героя. От этих кадров мурашки по спине бежали. Шейла испуганно прижалась к Джастину, тот обнял её.

- Ну и кошмар, – выдохнула она, когда плёнка закончилась. – Только что я поняла, что ненавижу ужасы. В жизни и без них дерьма хватает.

- Я предупредил, – Джастин почему-то чувствовал себя виноватым и ответственным за её страх. – Это всего лишь кино.

- А тебе не было страшно? – она была похожа на ребёнка, ищущего утешения.
- Когда первый раз смотрел, было, – признался он. – Но страх как-то...

Шейла повернулась к нему, улыбнулась. Их губы оказались близко-близко. Джастин запнулся.

- Раскрепощает? – прошептала она.

Он поцеловал её. Потом ещё. Нежно и неумело. Она ответила. Остальное запомнилось какими-то отрывками: его руки действовали сами по себе, гуляя по её телу, неспешно и

естественно избавляя от уже ненужной одежды. В какой-то момент Джастин обнаружил, что они лежат, прижимаясь друг к другу, а их одежда валяется по разные стороны кровати. Шейла чуть отстранилась и внимательно взглянула ему в глаза.

- Ты в самом деле хочешь этого? – серьёзно спросила она.
- Я не... да.
- Тогда иди ко мне.

Джастин не заставил просить себя дважды.

День двенадцатый

*«Крысы ненависти, обиды и зависти грызут наши души.
Подбрось им яд стойкости, спокойствия и здравомыслия.»*
Католический священник

После первой волны паники, унесшей меньше трети участников, наступило затишье. Никто из оставшихся в игре не собирался умирать просто так. Началось настоящее соревнование, где шансы одного увеличивались со смертью другого. Соседа по этажу, друга, вчерашнего собеседника. Смерть тебе, жизнь для меня, скажите «Аллилуйя!». Участники всё больше сбивались в группы, но находились и одиночки, вроде Орсона, кочующие от одной группы к другой, нигде не задерживающиеся подолгу. Ничего особенного в них не было.

Однако ежесекундная напряжённая борьба за существование среди участников выглядела скучной на телеэкранах. Ещё бы – больше никому не вышибали мозги, никого не находили под окнами своего номера или в собственной ванне, с разрезанными венами. Чтобы рейтинг шоу не упал, эти уроды придумали новое развлечение – теперь в просторном холле ошивалась съёмочная бригада, состоящая из репортёра и оператора. Их задача состояла в том, чтобы приставать к запертым здесь бедолагам, вымогая из них интервью. Большинство участников их просто посылали, некоторые лениво отвечали на пару-тройку вопросов и тоже посылали их. Кое-кто озлобленно косился на интервьюеров, думая о том, что эти-то двое сегодня будут ужинать в недорогом ресторанчике в обществе симпатичных подруг. Они *свободны*. Вполне подходящий повод для ненависти.

Когда съёмочная группа приблизилась к их компашке, Джастин собрался послать их дальше, но репортёр подошёл к Орсону.

- Мистер, вы не хотели бы ответить на пару вопросов для шестичасового выпуска реалити-шоу «Последняя диета»? – начал он.
- Почему бы и нет, – ответил Орсон, поворачиваясь к камере.
- Орсон, какого... – оторопел Джастин, но тот лишь махнул рукой. Репортёр, откровенно радуясь такому везенью, начал интервью.
- Итак, скажите, что заставило вас...
- Меня зовут Орсон Уэлч, – перебил Орсон. Помолчав, добавил. – Понимаю ваше нетерпение, молодой человек, но вежливость в этой стране ещё никто не отменял. Запомните это, если надеетесь однажды получить Пулитцеровскую премию.

Репортёр густо покраснел. Среди наблюдавших за этим действием участников шоу послышались смешки. «Пршупращения», пробормотал парень, вконец стушевавшись. Он явно не знал, как спасти ситуацию.

- Вы, видимо, хотели спросить, что заставило меня принять участие в реалити-шоу «Последняя диета», – пришёл на помощь Орсон. – Что ж, причина у меня была. Некоторым она покажется безумной, пустой, не имеющей смысла. Но это был мой выбор, и я не собираюсь доказывать его объективность.

Джастин невольно восхитился орсоновой манерой держаться. Уэлч стоял перед камерой, опираясь о стену, и в нём не было ни капли позёрства или смущения. Он выглядел, как человек, занимающийся привычным делом, и делающим его *достойно*.

Никакой суетливости, нервозности, неуверенности. Орсон был невозмутим, словно английский лорд. Рядом с ним молодой репортёр казался прыщавым мальчишкой, ведущим репортаж школьного матча по бейсболу. Орсон был великолепно естественным. Да, именно так. Не эта ли великолепная, чуть высокомерная естественность помогала ему легко сходиться с людьми, оставаясь одиночкой? Его манера держаться, говорить была одновременно уютной, как домашние тапки и отстранённой, как само время.

Репортёр ухватил свой шанс:

- Не хотите рассказать подробнее?
- Почему бы нет, – ответил Орсон. – Дело в том, что я писатель. Не самый популярный, про таких говорят «широко известен в узких кругах». Я пришёл сюда с целью написать свой последний роман. Собираюсь назвать его «Последняя диета» История мёртвых».

Дальнейшее Джастин плохо запомнил. Кажется, он успел вцепиться в глотку этому Иуде-падальщику. Или его оттащили? Не иначе, от голода случился провал в памяти. Джастин помнил, как он рвался прикончить эту гниду, делающую карьеру на их смерти, но его держали несколько рук. Как, плача в бессильной ярости, он называл Орсона шакалом и грёбаным трупоедом. Когда перед глазами повисла темнота, Джастин успел подумать, что ослеп от ярости, но на самом деле он всего лишь провалился в голодный обморок. Не такая уж редкость.

Очнулся он от громкого стука по голове. Нет, в дверь своего номера. Выдохнув сквозь зубы, Джастин сполз с кровати и открыл дверь. На пороге стояла Шейла.

- Привет, – сказала она.
- Привет, – Джастин попробовал вспомнить, была ли она в числе тех, кто видел утреннюю безобразную сцену? Попытка не увенчалась успехом.
- Мне можно войти, или так и будем стоять тут весь вечер?
- Ох, прости. Проходи, конечно.
- Спасибо, – Шейла захлопнула дверь и поцеловала его. Минуты через две Джастин решил, что в прихожей им делать больше нечего.
- Вообще-то, – девушка прошла в комнату и присела на краешек кровати, – я пришла к тебе не просто так.
- Ещё бы! – Джастин сел рядом, прижался к ней, чувствуя, как язык Шейлы вытанцовывает между его губ, всё глубже забираясь в рот.
- Ну, не только за этим, – сказала она, получив такую возможность. – Хочу ещё разок воспользоваться твоим...

- Всегда пожалуйста!
- Телевизором, пошляк! – рассмеялась девушка. – Говорят, сегодня один парень давал интервью и его покажут в шоу. Я хочу посмотреть. Да что с тобой?!
Джастин заметно скис.
- Не думаю, что на это стоит смотреть, – сказал он. – Я присутствовал при этой гнусности.
- Гнусности? Почему?! Объясни.
- Потому что он оказался предателем. Он наблюдает за нами, как учёный за подопытными мышами. И я постараюсь убить его при первой возможности.
- Но тогда тебя убьют тоже. За попытки мешать другим участникам шоу – расстрел.
- Да плевать я хотел! – взорвался Джастин. – Всех нас тут ждёт один конец. Но я боюсь загнуться раньше него и не увидеть, как эта крыса подышает от голода. Не удивлюсь, если узнаю, что он договорился с боссами Компании и они тайно кормят его, чтобы отпустить, когда всё закончится.

- Да ладно тебе, – сказала Шейла. – Я должна это видеть. Дай мне пульт, а то всё пропустим.

Шейла схватила пульт, включила телевизор. На экране как раз шла заставка «Последней диеты».

- Добрый вечер, дамы и господа, – вещал Гейман. – Сегодня мы хотим предложить вашему вниманию небольшое лирическое отступление. Один из храбрых участников нашего шоу согласился дать интервью для вечернего выпуска. Уверяю вас, вы не останетесь разочарованными.

- Вот уж точно, – проворчал Джастин, вытягиваясь на кровати, левой рукой обнимая Шейлу за талию.

На экране возник Орсон, невозмутимо и достойно рассказывающий свой хренов замысел. Джастин ждал момента, когда Шейла ужаснётся этому стервятнику, чтобы выключить телек и утешить её так, как нравилось им обоим. Но Шейла, к его удивлению, слушала спокойно, с оттенком здорового любопытства и интереса.

- ...не собираюсь доказывать его объективность, – говорил Орсон. В этот момент камера дёрнулась, затем выровнялась, снимая сцену, устроенную Джастином. Выглядело всё мерзко и фальшиво, как плохой спектакль. Из увиденного Джастин узнал, что успел заехать по морде этой мрази, прежде чем отключиться. Картинка сменилась изображением Геймана в своей студии. На заднем плане послышалась запись аплодисментов. Главный тоже издевательски аплодировал.

- Что ж, дамы и господа, вы стали свидетелями классического случая несдержанности и неоправданной жестокости. Невозможно сказать, что заставило вспыльчивого юношу наброситься на мистера Уэлча, но оставим это на его совести. Возможно, сейчас он сам раскаивается в своём поступке. Впрочем, неважно. Этот досадный инцидент не помешал продолжить интервью.

Джастин сожалел единственно о том, что не мог добраться заодно и до Геймана, и до всех этих убийц. Последние слова ведущего заставили его подскочить от неожиданности. Какого хрена, они даже не заметили его? Отогнали, словно назойливого комара, и продолжили, как ни в чём не бывало?! Дерьмо.

Шейла смотрела на него, как на буйно помешанного.

- Джастин, зачем ты это сделал?

- Затем, что он – паршивый предатель, неужели ты не понимаешь? Мы для него не люди, а материал для исследования. Ему плевать на нас, на то, что мы *живые*. Мы тут друг другу, бывает, душу раскрываем, а он делает из этого пару абзацев в своей сраной книжонке. Когда один из нас умирает, он наверняка ставит крестик в своём блокноте напротив фамилии. Разве это не отвратительно?

По-моему, ты ничего не понимаешь, – сказала Шейла. – Давай смотреть дальше, после я попробую тебя переубедить.

- ...не так понял, – продолжал Орсон с экрана. – Но это наше личное дело, позвольте разобраться с ним самостоятельно. А чтобы подобного не возникало впредь, хочу объяснить: то, что я писатель, не мешает мне быть человеком. Я такой же участник-смертник, как и любой из запертых здесь. Нас привели сюда разные причины, но моя цель ничем не лучше и не хуже прочих. Многие писатели увлекались автобиографией, мемуарами, заметками своей жизни. Я хочу написать книгу моей смерти. Вы вправе считать меня чокнутым искателем приключений, бесящимся от избытка возможностей, в то время как многие из вас постоянно борются за жизнь свою и своей семьи. Если б я мог, я помог бы вам. Но я не мессия. Я человек, который знал, на что идёт, и который не подвергает сомнению принятое однажды решение.

- Мистер Уэлч, а как Вы оцениваете свои шансы на победу?

- Я не питаю иллюзий. Разумеется, я хочу победить, но я не в той форме, чтобы долго продержаться. Я буду жить, пока не окончу книгу, а потом уйду.
 - Вас не волнует, что станет с рукописью после Вашей смерти?
 - Об этом я позаботился, – ответил Орсон. – Тела выбывших из игры выдаются родным и близким для захоронения. Вместе с личными вещами. У меня нет родных, но есть близкий друг, являющийся моим литературным агентом.
 - Это он подал Вам идею участвовать в шоу? – перебил репортёр.
 - Ну что Вы, – Орсон рассмеялся. – Он отговаривал меня и называл спятившим кретином. Но я упорный. Всё, чего он добился – это разрешения устроить мне шикарные похороны. Когда всё закончится, рукопись отдадут ему вместе с моим телом. А что с ней делать дальше – его проблемы.
 - И как продвигается работа?
 - Мне осталось немного – во всех смыслах. Обычно я работаю медленно. Критики утверждают, что единственный способ дождаться от меня очередного произведения – это перестать ждать. Однако когда сроки поджимают, я начинаю писать с несвойственной мне скоростью. А сейчас я просто не имею права затягивать.
 - Что вы думаете об остальных участниках «Последней диеты»?
 - Жалею, что не встретился с ними раньше. Здесь много отличных ребят, искренних, храбрых, немного циничных (а что есть цинизм, как не высшее проявление искренности?), верных себе и своим близким. За эти дни у меня появилось больше настоящих друзей, нежели за всю жизнь. Обидно, что нам осталось провести вместе меньше двух недель.
 - Не сочтите за бестактность, – репортёр замялся. Орсон ободряюще улыбнулся ему. – Когда вы поймёте, что для вас всё заканчивается, что вы планируете делать?
 - Ну, молодой человек, это сложно предугадать. Судьба, знаете ли, часто обманывает наши ожидания. Но я надеюсь, у меня хватит духу уйти достойно, без истерик и неудачных попыток самоубийства. Я прожил неплохую жизнь и не хочу, чтоб она завершилась, как дешёвая мелодрама. – Орсон замолчал, давая понять, что разговор окончен. Репортёр повернулся к камере.
 - Что ж, спасибо за увлекательное интервью, от лица Компании и от себя лично желаю вам удачи.
 - Удачи и вам, молодой человек. И чтоб жизнь уберегла вас от таких вот игр на поражение.
 - С вами был Тед Гриффин, специально для реалити-шоу «Последняя диета».
- Шейла выключила телевизор, удавив на полуслове вновь возникшего Геймана.
- И что в его действиях повергло тебя в ярость, о мой недалёкий, то есть близкий, друг?
 - Я всё уже объяснил, – сказал Джастин.
 - Он тоже, – ответила Шейла. – И я не понимаю, чем тебя так задело то, чем он занимается.
 - Не понимаешь?! У меня тут есть друг, который пришёл умирать, чтобы прокормить свою семью. Как и его знакомая, которая неизлечимо больна, но пытается обеспечить детям достойное существование...
 - Как и одна девчонка, больная СПИДом, и пришедшая умереть, не отягощая своих близких, – перебила Шейла. – Джастин, не надо делать из нас героев. То, что я сделала – это был *мой* выбор, и никто меня не вынуждал. Равно как и тебя, и твоего друга, и всех остальных участников. У нас – свои причины. У этого писателя – свои. И если ты их не принимаешь, это не значит, что он мерзавец и предатель.
 - Но как же...
 - Раскрой наконец глаза, мальчик! – теперь в голосе Шейлы слышалась жестокость. – Ты ведёшь себя, как инфантильный персонаж детских комиксов. Ты *умираешь*, ты уже

почти мёртв, пойми это. Даже если случится чудо, и ты переживёшь всех, протянешь ты недолго, заразившись от меня. Мы все здесь мертвецы, даже победитель, хоть он об этом и не подозревает. Здесь нет романтики, героизма и предательства. И дохлый писака ничем не отличается от дохлого сопляка. Падаль – она всегда падаль, чем бы ни была при жизни.

Джастин молчал.

- Между прочим, я тоже веду дневники, – сообщила Шейла.
 - Серьёзно?
 - Я серьёзна, как вирус си-гриппа, – ответила она. – Это отвлекает и создаёт видимость цели. Смысла. Я веду дневники, этот человек пишет книгу, ты читаешь энциклопедии, кто-то не слазит с тренажёров... Все мы по сути занимаемся одним и тем же – прячемся за мелочами, не позволяя себе думать о том, что ждёт в конце всех и каждого.
 - Я дурак, да? – наконец сказал Джастин.
 - Все мы ошибаемся. Самую крутую глупость мы совершили, придя сюда. Прочие не считаются. Ты собираешься с ним поговорить?
 - Он пошлёт меня ко всем чертям, едва увидев.
 - Сомневаюсь. В любом случае, тебе стоит попытаться. Умирать, не завершив всех дел – это как-то несерьёзно. А уж оставлять за собой обиду и вовсе невежливо.
 - Я подумаю, – пообещал Джастин. – А теперь может займёмся чем-нибудь более интересным, пока у меня остались силы?
 - Почему бы и нет. Только свет выключи. Не люблю яркий свет. И не хочу, чтобы нас снимала эта чёртова камера.
- Снаружи темнело.

День пятнадцатый

*«Если не знаешь куда бежать, стоит ли бежать»
Буддистская мудрость*

Ужасики, что показывало зеркало, не способствовали поднятию настроения. Тем не менее Джастин сосредоточенно разглядывал своё отражение, напоминающее теперь портрет узника древних концлагерей или представителя ещё более древнего класса рабов, самых заморенных. Сегодня ночью он проснулся оттого, что сердце выделяло кульбиты, то замирая, то колотясь в грудную клетку, словно надеясь пробиться наружу. Он провёл несколько не самых приятных минут, думая о том, что утра уже не увидит. И после, когда аритмия миновала, он лежал в постели, приходя в себя, боясь пошевелиться, не веря, что в этот раз бог не приказывал ему собирать вещички. Джастин был уверен, что не уснёт в эту ночь, но где-то через полчаса после приключившегося кошмара провалился в сон с цветными (впервые за последние семь лет) сновидениями.

С утра он съел две таблетки валидола, руководствуясь соображением, что лучше поздно, чем никогда, и сейчас разглядывал себя в зеркале. Он никогда не весил больше пятидесяти шести килограммов, но сейчас жилистая худоба сменилась откровенной дистрофией. Резко очерченные скулы, голодный взгляд, опущенная голова, сидящая на ссохшейся тонкой шее, сутулые плечи, выпирающие рёбра. Джастин напоминал себе Мистера Хайда¹, только очень тощего, Хайда-мумию. Он истерически хихикнул. «Голодный Хайд проник в комнату через окно, взломал холодильник и унёс связку сарделек. Это было ужасное преступление!»

Мысль о холодильнике была совершенно напрасной. Джастин прислушался к урчанию в собственном желудке, отвернулся. Прошёл в кухню, зачем-то взял столовый нож, положил обратно, вымыл руки, включил плиту, выключил, вытер и без того чистый

¹ Альтер-эго, тёмная сторона главного героя известного романа «Доктор Джекилл и Мистер Хайд»

стол... Холодильник манил. Жрать хотелось до полного отупения. Не в силах бороться с собой, Джастин подошёл ближе, побарабанил пальцами по дверце, взялся за металлическую ручку.

Камера висела под потолком, фиксируя каждое движение. Джастин оглянулся. В полной тишине ему слышались шаги за дверью. Тихие, чёткие, сводящие с ума. Может, это было галлюцинацией, но Джастин не хотел проверять. Он убрал руку и медленно вышел из кухни. Чтобы не подвергаться искушению, голодный Мистер мумия-Хайд позорно сбежал из своего номера, уступив его в полную власть холодильнику. По крайней мере, до вечера.

В спортзале было пусто, лишь какой-то мужчина, хрипя и отдуваясь, насиловал велотренажёр. Выглядел он так, словно совершил недельный велокрыс по пустыне. Его ноги еле двигались, дышал он, как собака с эмфиземой, а застывший взгляд заставил бы отвернуться любого человека.

- Должен...дотянуть...крутить...вперёд...Если...дотяну...выживу... – хрипел он. – Должен...победить...жить...

Было ясно, что он свихнулся и долго не продержится. Бедняга будет крутить педали пока не упадёт в изнеможении или у него не случится инфаркт. Или и то, и другое сразу. Внезапно его взгляд сфокусировался на Джастине. В отупевшем, замершем рассудке родилось чувство ненависти.

- Живёшь... – выдохнул мужчина. Джастин отшатнулся, словно обжегшись этим взглядом. – Мерзавец...убиваешь меня...Сдохни...или будь проклят...ненавижу...не хочу...умирать...

Джастин покинул спортзал так быстро, как только мог позволить ослабевший организм.

В холле первого этажа группки скелетов делились новостями. Джастин увидел Шейлу, беседующую с двумя незнакомцами. Он решил пройти мимо, но девушка сама окликнула его.

- Хреново выглядишь, – сказала Шейла, поцеловав его в небритую щёку. – Вчера ещё двое отыгрались. Какой-то негр и девушка чуть младше меня. Я их не знаю.

- Как ты? – спросил Джастин.

- Не так плохо, как выгляжу, – ответила она. Выглядела Шейла неважно, как и все вокруг, но Джастин этого не замечал. – Ещё протяну какое-то время. Джастин, это Уилл и Алекс. Мы тут треплемся о чём ни попадя. Присоединяйся.

Уилл произнёс:

- Говорят, девчонку эту...

- Сюзан её звали, – перебил Алекс. – Познакомился с ней возле бассейна. Тихоня, блин, но с характером.

- Так вот, – вернулся к теме Уилл. – Говорят, к ней пришли солдаты, когда она пыталась есть зубную пасту, спрятавшись под одеяло.

- Брр, – скорчила гримасу Шейла. – Разумеется, это показали на большом экране?

- Ага. С ней случилась истерика. Гадостное было зрелище. Когда её расстреляли и выволокли в мешке наружу, там повсюду была размазана кровь и паста. А до этого, говорят, она резала вены и пила свою же кровь, чтобы продержаться. Думаю, если б она осталась последней, точно сошла бы с ума.

- К моменту «ухода» она уже спятила, – к ним подошёл мужчина в синем свитере, сидевшем на нём несколько мешковато из-за худобы. – Разговаривала сама с собой, не выходила из номера, постоянно плакала и выла. Я был её соседом и всё слышал через стену. Удивительно, что она не выбыла в самом начале. Но это страшно, правда. Даже на

фоне всех, ушедших раньше неё. Мне жаль Сюзан, но я рад, что для неё все закончилось. Я рад, что теперь буду спать спокойно, не нервничая оттого, что за тонкой стенкой кто-то сошёл с ума.

- Тут многие свихнулись, – сказала Шейла. – И победителю, если он будет, никогда не стать прежним. Он станет каждую ночь просыпаться в поту, вспоминая всё это. Голод, расстрелы, самоубийства, отчаяние, ненависть, безнадегу... Он станет прятать под матрас сухари и огрызки, завистливо и с отчаянием заглядывать в чужие тарелки. Если добудет хорошего психиатра, тот сможет помочь. Но ему придётся долго возвращаться к нормальной жизни.

Джастин уловил один момент в её словах.

- Что значит «если он будет»? – спросил он. – А разве...

- Парень, откуда ты выпал?! – раздражённо поинтересовался Алекс, поправив очки. Они были ему великоваты и всё время сползали на нос. – «Последняя диета» проводится дважды в год и никогда не испытывает недостатка в смертниках, желающих сыграть. Мы приходим сюда не с целью сорвать банк, а потому, что подсознательно хотим умереть. Все и каждый. Мы сами себя загнали в ловушку, из которой выхода нет и быть не может. Последний свихнётся или умрёт вскоре после окончания игры. Ободрётся до смерти на радостях, либо напротив, не сумеет взять в рот ни кусочка. Либо будет до такой степени истощён, что внутренние органы сохнут и перестанут работать. В этом шоу выигрывают только те, кто его устроил. А мы полезли в дерьмо, толком не осознавая, зачем.

- Поговаривают, что на одном из ранних шоу кто-то свихнулся и начал бросаться с ножом на остальных участников, – сказал Уилл. – Вопил, что убьёт всех и победит. Он успел прикончить троих или четверых, пока его не застрелили.

- А я слышал про женщину, которая умерла оттого, что пила слишком много воды, – продолжил Уилл. – Выпила несколько литров, потом билась в конвульсиях, пока сердце не остановилось.

- Враньё, – прошептала Шейла. Но недопитый стакан отставила. – Всё ты врешь.

- Правда, – виновато поддержал приятеля Алекс. – Я подрабатывал одно время в морге санитаром, там рассказывали, что если много пить воды, из организма вымываются соли и минералы, баланс тела разрушается и человек умирает.

- Спасибо, ребята, – Шейла чуть не плакала. – Я теперь пить не смогу. Считайте, что ваши шансы увеличились на ещё один процент.

Джастин готов был придушить обоих за её страх. Хреновы мудаки треплются о безнадежности состязания, потихоньку прокладывая себе дорогу наверх. Он обнял Шейлу, с ненавистью глядя на парней. Те, казалось, смутились.

- Ты не воспринимай это так серьёзно, – сказал Алекс. – Тут все пьют и курят, приближаясь к могиле. Просто ничего не остаётся. Если не свихнёшься и не запаникуешь, продержишься дольше.

- Факт, – поддержал Уилл. – А чтобы загнуться от воды, нужно выпить не меньше пятнадцати литров. Или утопиться в ванне. Так что не волнуйся. Считай это просто одним из способов самоубийства, когда совсем невоготу станет.

- Ну, вы, ребята, и натрепали тут сегодня, – сердито произнёс Джастин, чувствуя, как Шейла понемногу успокаивается.

- Точно. Вот уж материал для книги этого писаки, как его там? – усмехнулся Алекс.

- Орсон, – подсказала Шейла.

Джастин вспомнил, что хотел поговорить с ним, но пока не успел. Да и не особо хотелось.

День двадцать шестой

«Возможность победы заключена в противнике.

Непобедимость - в тебе самом»

Сунь Дзи

Орсон сдержал слово. Только что. По телевизору передавали. Наверное, его уход означал переломный момент в ходе шоу – это проняло всех участников, даже тех, кто не подпускал к себе самую мысль о смерти. Такое не могло не пронять.

Он был великолепен, как всегда. Джастин не представлял, как можно в белой отглаженной рубашке, пиджаке и галстуке готовить обед и не выглядеть при этом шутом, но Орсону всегда удавалось невозможное. С извечным своим простым достоинством он возился на кухне, накрывая на стол и сопровождая свои действия спокойными комментариями.

- Ну вот, сегодня я наконец закончил книгу, – он поставил на стол блюдо с салатом, усмехнулся, повернувшись к камере. – Благодарю Компанию за всё, необходимое для нормального существования. Сейчас я собираюсь устроить небольшой праздничный обед по случаю завершения труда всей моей жизни. Ещё раз спасибо Компании, теперь уже за деликатесы и отличное вино.

Писатель взял со стойки бутылку вина, аккуратно перенёс её на стол, достал штопор.

- Хмм, пожалуй, мне уже не хватит сил, чтобы откупорить бутылку. Месяц назад я сделал бы это шутя, кто бы мог подумать? Ну, это не повод для огорчения, не так ли, друзья?

Орсон воспользовался электрическим штопором, чтобы открыть бутылку. Достал из шкафа бокал, не спеша наполнил его. Положил справа от себя распечатанную рукопись. Отодвинул стул, сел, поправил галстук и вновь повернулся к камере.

- Вот и пришло время прощаться, – голос чуть дрогнул. – Не люблю длинных речей. Спасибо всем, кто проводил со мной эти дни, исподволь дожидаясь моей смерти. Вы были моими хорошими друзьями несмотря на то, что я также ждал, когда умрёт любой из вас. Шансы оставшихся увеличиваются ещё на один процент, и я вас поздравляю и желаю вам удачи, всем и каждому. Прощайте.

Орсон пригубил вино.

- Превосходный выбор, – одобрил он, улыбнувшись. Взглянул на вошедших в номер солдат. – Позвольте мне допить бокал, господа? Благодарю.

Солдаты не шелохнулись. Орсон Уэлч неторопливо, но и не затягивая, осушил бокал и кивнул.

- Признаться, не ожидал

Коротко рыкнули карабины и Орсон перестал быть.

Крови было немного, но брызги попали на титульный лист рукописи. Теперь его другу достанется ещё и трофей, нехстати подумал Джастин. Орсон покачнулся, застонал и начал клониться к столу, прямо в тарелку с салатом. Но даже в смерти он не допустил вульгарности. Тело уткнулось в скатерть рядом с тарелкой и застыло. Рука смахнула бокал, разлетевшийся на осколки где-то под столом.

- Как думаешь, они не покажут остального? – с надеждой спросила Шейла.

Разумеется, они показали. Они не могли оставить Орсона в этом спокойном величии смерти, коего он, несомненно, был достоин. Солдаты развернули брезентовый мешок, уложили в него тело, застегнули молнию. Рутинно, без всяких эмоций. Подняли с пола, словно мусор, и вынесли вон. На экране осталась пустая комната.

Шейла выключила телевизор.

- Прости, – сказала она. – Не могла больше на это смотреть.

- Знаешь, – всхлипнула Шейла. – Кроме меня и тебя, он единственный человек, чью смерть я оплакиваю, не стыдясь.

- Он заслуживает целого мира, от которого отказался, – сказал Джастин. – Мы можем дать ему свою скорбь, и думаю, его бы это устроило гораздо больше.
- Обними меня, – попросила девушка. Джастин выполнил просьбу. Они просидели так несколько часов, пока не задремали.

День последний

*«В жизни все фальшиво.
Есть только одна истина, и эта истина - смерть»*
Хагакуре Бусидо

Джастин лежал в постели, левой рукой обняв Шейлу. Бормотал телевизор. Пульт валялся в соседней комнате, а поход за ним требовал затрат энергии, которой не было. Хотелось курить. Но сигареты кончились, а спуститься за новой пачкой не было сил. Всё равно им осталось около получаса.

Шейла молодец. Джастин понятия не имел, как ей удалось раздобыть скэгг, но она принесла с собой не меньше пяти граммов. Шприцы Джастин утром стащил в кабинете врача. Шейла говорила, что это хороший порошок – уснёшь, улетишь на небеса и не проснёшься. Лучшего способа самоубийства и представить невозможно. Уходить договорились сегодня – Шейла больше не могла терпеть, а Джастин не хотел её терять. Да и надоела вся эта волокита.

Рэй звонил вчера. Сказал, что Даяна ушла. Её нашли утром в постели, уже остывшую. Судя по голосу, Рэй плакал. Хотя, может это от слабости...

Число участников с каждым днём уменьшалось. Из полусотни участников, принявших участие в шоу, до сегодняшнего дня дожили не больше десятка. Почти никто не выходил из своих номеров. В здании воцарилась тишина, пока ещё не мёртвая, но умирающая, стонущая и задыхающаяся. Отель постепенно превращался в морг. К концу недели в живых останется человек пять-шесть.

Джастин от души надеялся, что среди них будет Рэймонд. Нет, правда надеялся.

Немножко «Бегущего Человека» (реалии) и много «Долгой Прогулки».